

**МАЛЕШИН
ДМИТРИЙ ЯРОСЛАВОВИЧ**

профессор кафедры
гражданского процесса
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук

ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

О кризисе юридического образования сегодня говорят не только в России, но и во всем мире. Однако в нашей стране вопрос реформирования высшей юридической школы стоит особенно остро. Автор излагает свое видение тех вызовов современности, на которые должны ответить отечественная система высшего образования и российская наука, раскрывает причины и предлагает возможные пути выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: высшее образование, юридическое образование, юридическая наука, высшая юридическая школа, научные исследования, диссертационные исследования

Чтобы они были честного поведения, прилежные и любопытные люди и в науках бы упражнялись больше для приумножения познания, нежели для своего прокормления... Паче же всего не надлежит быть академическим членам упрямым самолюбам, готовым стоять в несправедливом мнении и спорить до самых крайностей.

М.В. Ломоносов о вузовском менеджменте¹

Система образования и науки является одной из самых консервативных сфер общественной жизни. Она не только выполняет свои прямые функции, но и выступает элементом любого общественного договора. Резкие изменения могут повлиять на равновесие общественных отношений. Юридическое образование в этом контексте приобретает особое значение, по-

скольку имеет самое непосредственное отношение к обществу, государству, праву, юридическим и иным социальным регуляторам.

В последнее время критика академической подготовки юристов только усиливается. Многие говорят о кризисе российской высшей юридической школы². Причем он затрагивает как образование, так и науку и длится уже не одно десятилетие³. Не опровергая и не усиливая эту критику, следует рассматривать ее в русле общемировых тенденций. Действительно ли проблемы имеют сугубо национальный, российский характер или трудности встречаются не только у нас?

¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 356, 358.

² См., напр.: Юридическое образование переживает кризис // Российская газета. 2007. 20 окт. С. 14.

³ См.: Кропачев Н.М., Хохлов Е.Б. Юридическое образование в России: выбор пути // Правоведение. 2003. № 2. С. 235–236.

Например, для США реформирование юридического образования каждые 10–15 лет — это практически перманентное состояние⁴. В последнее время, как и ранее, зарубежные СМИ пестрят заголовками о проблемах в системе подготовки юристов. Одна из характерных статей на эту тему в *New York Times* начинается со слов «*American legal education is in crisis*»⁵. Барак Обама, проработавший более десяти лет в Чикагском университете и знающий проблемы высшей школы не понаслышке, предлагает настолько радикальные меры, что академическая среда их резко отвергает⁶.

Слова о кризисе юридического образования звучат не только в России, но и за рубежом. Преподаватели и студенты во всем мире ощущают изменения, причиной которых являются активное реформирование и пересмотр традиций и устоявшихся методик. Прежние подходы не отвечают существующим потребностям, и в настоящее время происходит их трансформация. Это свидетельствует о переходном состоянии высшей юридической школы, о поиске ее нового предназначения, места и роли в изменяющемся мире. В разных странах этот процесс протекает по-разному.

Важно рассматривать отечественные проблемы именно с учетом общемировых изменений. Естественно, что российское происхождение и характер многих из них отрицать неправильно, и предлагаемые меры по их решению также должны учитывать национальные особенности. Вряд ли существует какая-то универсальная модель оздоровления образовательной системы. С учетом вышеизложенного вернее будет говорить не о проблемах или кризисе юридического образования и науки, а о вызовах, которые важно видеть и адекватно на них реагировать.

Болонский процесс: славянофилы vs западники

Болонский процесс в нашей стране напоминает «Приключения итальянцев в России»: парадоксально, что с ним связывают как причины кризиса, так и возможные пути выхода из него. Одни специалисты полагают, что реформы российского образования последних лет лишь усугубили разрушительные явления⁷ и ликвидировали преимущества отечественной системы. Другие считают, что только полная реализация принципов Болонской декларации позволит модернизировать отечественное образование согласно мировым стандартам и тем самым преодолеть кризис⁸. Надо сказать, что в Европе Болонская система воспринимается неоднозначно, многие ее принципы критикуются и не все положения реализуются в национальных законодательствах⁹.

Российское юридическое образование на протяжении практически всего своего существования находится в состоянии выбора пути развития. Имеется два основных варианта: западный и самобытный.

Вследствие этого история становления профессиональной юридической подготовки имеет волнообразный характер. Дату изменения и радикального пересмотра «курса» можно определять чуть ли не с математической точностью. Причем чаще всего основные проблемы объясняются неправильным выбором вектора развития, который предлагается срочно поменять на противоположный. Такой подход, естественно, не самым лучшим образом отражается на содержании образовательной и научной деятельности.

⁴ См., напр.: Berman H. *The Crisis of Legal Education in America* // *Boston College Law Review*. 1985. Vol. XXVI. № 2. P. 347; Kinoy A. *The Present Crisis in American Legal Education* // *Rutgers Law Review*. 1969. Vol. 24. P. 1; Cohen J. *Crisis in Legal education* // *The University of Chicago Law Review*. 1948. Vol. 15. № 3. P. 588; Llewellyn K. *The Current Crisis in Legal Education* // *Journal of Legal Education*. 1948. Vol. 1. P. 211; Stevens R. *Legal Education in America from the 1850s to the 1980s*. New Jersey, 2001.

⁵ «Американское юридическое образование претерпевает кризис». — Пер. ред. См.: *Legal Education Reform* // *New York Times*. 2011. November 26. P. A18.

⁶ См.: Lewin T. *Task Force Backs Changes in Legal Education System* // *New York Times*. 2013. September 20. P. A16.

⁷ Садовничий В.А. «Оболонят» ли Россию? Европейские стандарты могут снизить уровень российского образования / беседовала Л. Волкова // *Вузовские вести*. 2003. № 19. С. 5.

⁸ См.: Новикова Н.С. Болонский процесс и высшее юридическое образование // *Правоведение*. 2003. № 2. С. 248–255.

⁹ См., напр.: Riedel J. *The Bologna Process and Its Relevance for Legal Education in Germany* // *German Law Journal*. 2008. Vol. 9. № 5. P. 575–617; *European Journal of Legal Education*. 2005. № 2. P. 59; Woodruff W., Bückner A. *The Bologna Process and German Legal Education: Developing Professional Competence through Clinical Experiences* // *9 German Law Journal* 575, 613 (2008).

|| Важно учитывать, что российская образовательная модель имеет европейские корни.

Западное влияние не ограничивается нынешним участием нашей страны в Болонском процессе. Российские университеты XVIII–XIX вв. создавались по западному образцу. Первые профессора юриспруденции приглашались из-за границы и преподавали на иностранных языках. В дальнейшем, конечно, появились отечественные преподаватели, но практически все они стажировались и защищались за границей (в Германии, Англии и т.д.). Трудно переоценить европейское влияние на отечественную науку и образование, но был и период самобытного развития. Например, советская система, формально отказавшись от европейской направленности, старалась разрабатывать собственные стандарты образовательной деятельности и научных исследований. В 1990-е гг. наблюдался всплеск интереса к развитию европейского образования, а в 2000-е — некоторое отрезвление от «западной романтики». То есть перманентное противостояние западников и славянофилов практически во всех сферах российской общественной жизни коснулось и высшей школы. Следствием этого стала очередная кардинальная смена курса развития ввиду «ошибочности» предыдущего.

Широкая общественная дискуссия о применении в нашей стране принципов Болонской декларации иллюстрирует такое противостояние и полностью вписывается в логику исторического развития России. Поэтому эту проблему целесообразно оценивать именно с позиций давнего диалога славянофилов и западников, проявившегося в системе образования и науки.

Юридические вузы: количество vs качество

Традиционно считается, что ахиллесовой пятой российской высшей юридической школы стало громадное количество юридических вузов. В настоящее время их около 1200; призывы о необходимости уменьшения их количества звучат давно и от разных лиц, начиная с представителей юридических вузов и заканчивая должностными лицами самого высокого уровня. Для сравнения: в США около 150 аккредито-

ванных юридических школ (вузов), в Германии — 50, в СССР — 40. Украинская ситуация еще сложнее: при населении в три раза меньшем, чем в России, юридических вузов меньше только в два раза — около 700. Похожее положение имело место в США около ста лет назад.

Практически невозможно решить сложившуюся проблему только репрессивными мерами. Процедура ликвидации вуза достаточно сложна, а эффект в целом незначителен. Если есть спрос, то предложение появится независимо от любых запретов, и практика последних лет полностью это подтверждает. Несмотря на все призывы, ежегодно закрывается гораздо меньше вузов, чем открывается новых. Более эффективными мерами могут стать снижение спроса на некачественное образование и общественная аккредитация.

|| Именно общественная аккредитация вузов способна в какой-то степени упорядочить этот хаос.

Ее преимущество заключается в том, что в отличие от государственной аккредитации, основанной на формальных критериях, она базируется в первую очередь на неформальных и проводится преподавателями-практиками, изнутри знающими проблемы современной высшей школы и способными оценить востребованность выпускников того или иного вуза. Это своеобразное общественное мнение о конкретном вузе. Цель такой аккредитации — не определить соблюдение минимальных требований к педагогической и научной деятельности, а оценить работу вуза в целом, его роль в юридической и общественной жизни страны или конкретного региона.

Ассоциации юристов России удалось создать прозрачный и независимый механизм оценки, и общественная аккредитация, проведенная в 2011–2012 гг. на его основе, оказалась достаточно эффективной. Более 150 вузов добровольно подали заявки, около сотни были аккредитованы. Вузы готовились к общественной проверке основательнее, чем к государственной. Ее результаты, с одной стороны, плачевны, поскольку получается, что лишь чуть больше ста вузов из 1200 в нашей стране соответствуют определенным минимальным требованиям, а в некоторых субъектах Российской Федерации их вообще не оказалось. С другой стороны, такие цифры были

ожидаемы, поскольку вузов, обеспечивающих качественное образование, не может быть много, и в таком контексте это положительный результат, свидетельствующий о грамотной организации процедуры аккредитации. Еще одним позитивным моментом стало выявление небольших вузов, не рекламирующих себя, но достаточно динамично развивающихся без всякой внешней поддержки, имеющих уникальные программы и старающихся занять собственную специализированную нишу.

Основная проблема современного высшего юридического образования — это даже не материально-техническое обеспечение (многие юридические факультеты сейчас располагаются в собственных зданиях с просторными аудиториями и отлично информационно обеспечены), а нехватка высококвалифицированных педагогических кадров. Есть примеры, когда в субъекте РФ имеется только один доктор юридических наук.

Снижение спроса на некачественное образование является приоритетной задачей. Нужно создавать условия, в которых открытие учебных заведений, предлагающих низкое качество знаний, будет невыгодно или невозможно. Именно качество, а не количество выступает главным вызовом современной высшей юридической школы. В конкурентной среде выигрывает сильнейший — этот принцип полностью применим и к юридическому образованию. Когда о необходимости сокращения говорят представители авторитетных вузов и ведущих юридических центров, это тревожный знак. Нужно добиваться высокого качества подготовки студентов внутри системы, а не создавать облегченные внешние условия административными методами.

Потребитель образования и науки всегда выберет качественное предложение, и если он вдруг стал выбирать не классические вузы, традиционно считавшиеся ведущими, а другие, недавно созданные, — то это уже вопрос не количества, а качества образования в этих учебных заведениях.

Классическим юридическим вузам в силу их консервативности зачастую сложно реагировать на изменение современного спроса, и очень многое зависит от эффективности менеджмента конкретного учебного

заведения, его способности сделать такую консервативность преимуществом. Поэтому важно, чтобы сокращение вузов не превратилось в дополнительное средство конкурентной борьбы в сфере высшего юридического образования.

Другим аспектом этой проблемы является распространенный в последнее время тезис о спаде интереса к профессии юриста в России, который аргументируется «перепроизводством» специалистов. В то же время в нашей стране никогда не было переизбытка кадров в этой сфере. Наоборот, их количество намного меньше, чем во многих странах не только Запада, но и Азии. В действительности имеет место нехватка профессионалов в данной области. Кроме того, конкурс в ведущие юридические вузы страны по-прежнему остается одним из самых высоких, число желающих получить ту или иную юридическую специальность не снижается в течение последних двадцати лет. Правильнее говорить о спаде интереса к псевдообразованию. Потребность же в качественных знаниях, наоборот, только возрастает, поскольку количество вузов, способных их предоставить, снижается с каждым годом.

Профессора и преподаватели: конфликт поколений. 1990-е vs 2000-е

Качество образования прежде всего зависит от квалификации преподавателя. Снижение его профессионализма является ключевой проблемой современной высшей юридической школы, и ее решение должно стать приоритетным. В противном случае деградация образовательной системы в этой сфере неизбежна. Ни обновление материально-технической базы, ни внедрение современных информационных технологий, ни постоянное изменение учебных планов и образовательных стандартов не могут решить проблемы качества образования, в основе которого находится личность учителя. Во многом только от него зависит уровень подготовки выпускника, его профессиональные компетенции и этические принципы.

Снижение профессионализма современного преподавателя обусловлено многими причинами, главной из которых является недостаток финансирования. В докладе Общественной палаты Российской Федерации отмечается, что это привело к снижению

качества образования 90% наших вузов до уровня колледжа и превращает Россию в страну с массовым высшим образованием среднего и низкого качества, где «элита начинает импортироваться из других стран»¹⁰. Применительно к юриспруденции проблему финансирования важно рассматривать в историческом аспекте. В 1990-е гг. нижний уровень зарплаты в системе высшего образования опускался до 100 долл. в месяц и статус профессии резко упал. Мотивация к преподавательской работе кардинально изменилась и фактически исчезла. Пополнение кадров либо прекратилось вовсе, либо стало осуществляться за счет недостаточно подготовленных преподавателей, что позволило ученым юридического факультета СПбГУ назвать их «массой лиц, имеющих ученые степени, но не являющихся ни настоящими учеными, ни сколько-нибудь квалифицированными преподавателями»¹¹. Хотя учитель — это прежде всего призвание, и поэтому молодые энергичные специалисты все равно иногда предпочитали преподавательскую карьеру любой другой, но это было скорее исключением из правила.

Несмотря на такую удручающую ситуацию с пополнением преподавательских коллективов новыми квалифицированными специалистами, это не сильно повлияло на качество образования в 1990-е гг., поскольку основная педагогическая нагрузка легла на профессоров и доцентов, пришедших в профессию еще в советский период в совершенно иных финансовых и социальных условиях. Они сумели удержать в 1990-е — начале 2000-х гг. качество преподавания на достаточно высоком уровне в соответствии с советскими стандартами. Но они не могут делать это вечно. В силу естественных возрастных причин многие из них уже не участвуют в педагогической деятельности. Профессия преподавателя стареет (возраст кандидатов наук увеличился с 44 до 51 года, докторов — с 54 до 62¹²) и феминизируется («женщины в некоторых случаях составляют 85,3%»¹³). Академик О.Е. Кутафин еще в 2005 г.

очень правильно подметил, что «лучшие кадры медленно умирают, а новую замену, которую мы можем дать, мы практически не даем»¹⁴. Основные кризисные явления начинают проявляться именно сейчас. Происходит смена поколений, главная нагрузка ныне лежит на преподавателях, пришедших в вузы именно в 1990-е гг. — самый кризисный для высшей школы период. Поколение, стартовавшее в 2000-е гг., когда зарплата стабилизировалась благодаря бюджетному финансированию, только начинает приобретать значимость в образовательной, научной и административной работе. Преодоление кризисных явлений в высшей юридической школе возможно только посредством активности преподавателей этого поколения, их интеллектуальной и управленческой энергичности, способности адекватно оценивать реальное положение российских юридических вузов.

Хотя в настоящее время финансирование высшей школы в несколько раз выше, чем в 1990-е гг., оно все равно уступает европейскому и американскому, а также заработкам российских профессионалов в других сферах юриспруденции.

Должность профессора в советское время (как и во многих современных зарубежных университетах) привлекала не только своим статусом, но и финансовой составляющей.

В настоящее время важно добиться уровня заработной платы, сопоставимого по крайней мере с судебной системой. То же самое касается социального пакета и всей системы гарантий.

Но залог успеха, естественно, не только в увеличении финансирования. Сейчас в высшей школе практически отсутствует конкуренция. Карьерная траектория преподавателя заранее определена негласными традициями и практически исключает какие-либо нестандартные ситуации. Вот ее основные этапы: три года аспирантуры; защита кандидатской диссертации; получение ученого звания доцента; защита докторской диссертации; получение ученого звания профессора. Причем между защитами в соответствии с устоявшимися традициями

¹⁰ *Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее?: доклад комиссии Общественной палаты РФ по интеллектуальному потенциалу нации. М., 2007. С. 65.*

¹¹ Кропачев Н.М., Хохлов Е.Б. Указ. соч. С. 243–244.

¹² См.: *Образование, которое мы можем потерять: сб. ст. / под общ. ред. В.А. Садовниченко. М., 2002. С. 37.*

¹³ Кастуева-Жан Т. «Блеск и нищета» высшего образования в России. Париж, 2006. С. 14 // www.ifri.org/files/Russie/ifri_jean_obrazovanie_sent2006_rus.pdf.

¹⁴ *Юридическое образование в Российской Федерации: перспективы и проблемы (Парламентские слушания 21.02.2005). М., 2005. С. 16.*

должно пройти не менее 10–15 лет, и если этот срок не выдерживается (а такие исключения, естественно, бывают), это влечет коллективное осуждение.

Главная же опасность заключается в отсутствии стимулов у самого преподавателя к совершенствованию профессиональных навыков и проведению научных исследований.

Мотивация присутствует только в период прохождения названных узловых моментов педагогической карьеры, в другие периоды формальных причин для нее не существует. Такая система не стимулирует преодоление кризисных явлений, а только поощряет их. Поэтому решение проблемы профессионализма преподавателя возможно только через создание постоянной здоровой конкурентной среды, что, естественно, не исключает необходимости дополнительного финансирования, которое позволит усилить конкуренцию.

Хаос диссертационных исследований

2013 год оказался годом диссертационных скандалов, в основном связанных с плагиатом, в том числе в сфере юриспруденции. По словам И.М. Мацкевича, количество защит в настоящее время в три раза больше, чем в СССР, а 90% защитившихся не продолжают научную деятельность. Для борьбы с диссертациями, не имеющими научной ценности, были предложены следующие меры: сокращение диссертационных советов, активное использование системы «Антиплагиат», точечный отзыв присужденных ранее ученых степеней и пр. Очевидно, что такие мероприятия не затрагивают сущность данной проблемы.

Для того чтобы установить причины хаоса в этой сфере, нужно определить прежде всего мотивацию людей, получающих ученые степени. Она может быть сведена к трем составляющим: призвание, карьера, статус. В СССР сопоставимыми стимулами были призвание, карьера и финансы. Во все времена существовали люди, для которых занятие наукой было призванием и необходимость в других стимулах отсутствовала. Но таких людей единицы, для остальных же важна конкретная мотивация. Если в настоящее время ученая степень необходима только для работы в вузе, то в СССР она способствовала продвижению по карьерной лестнице и за его пределами, например

в органах государственной власти, суде и пр. Ключевая разница касается третьего пункта. В СССР важным стимулом получения ученой степени было улучшение материального положения и значительные финансовые перспективы, а в настоящее время им является статус. Сейчас научные исследования в целом, а тем более защита на соискание степени, полностью потеряли финансовую привлекательность. Такая разница является главной причиной хаоса в диссертационной сфере. Ученая степень в последнее время стала элементом статуса юриста, практикующего в органах государственной власти, суде, нотариате, адвокатуре и других сферах, показателем его профессиональной успешности.

Главная проблема не в плагиате или заказных диссертациях, составляющих небольшой процент от общего числа, а в появившейся «статусности» обладания ученой степенью, что привнесло в эту сферу некомпетентность и низкое качество.

О.Е. Кутафин справедливо отмечал, что «скоро ни одного губернатора не останется не доктора юридических или экономических наук. У меня иногда возникает вопрос: как можно за два года человеку, который занят серьезным делом, написать сначала кандидатскую, а спустя шесть месяцев — докторскую диссертацию?»¹⁵. Решить все диссертационные проблемы можно только путем устранения этой «статусности», ликвидации стимулов для «титульного владения» ученой степенью. Это позволит оздоровить диссертационную сферу в целом и более эффективно бороться с плагиатом и заказными научными работами.

Другим вызовом в этой области является неопределенность в классификации ученых степеней и ученых званий. В настоящее время существует четыре уровня образования: бакалавриат, специалитет, магистратура и аспирантура, а также две ученые степени: кандидат и доктор юридических наук.

Уже давно обсуждается идея отказа от степени кандидата наук, аргументируемая необходимостью унификации с зарубежными стандартами. Хотя иностранные модели образования сильно разнятся и, естественно, не имеют какого-то определенного стандарта, эта идея

¹⁵ Юридическое образование в Российской Федерации: перспективы и проблемы. С. 16.

тем не менее активно обсуждается, в том числе на законодательном уровне. Например, ученые юридического факультета СПбГУ еще десять лет назад высказали мнение о том, что отказ от степени кандидата наук повысит значение магистерской степени, поможет ей занять самостоятельное положение между бакалавром и доктором¹⁶. Интересно, что в дореволюционный период до 1884 г. в России существовало три степени (кандидат, магистр и доктор), после 1884 г. — две (магистр и доктор)¹⁷.

Вызов заключается в том, что ликвидация степени кандидата наук может значительно снизить качество научных исследований.

Кризис спроса на науку

Одним из показателей успешности научной деятельности является востребованность ее результатов в «народном хозяйстве». Кстати, это одно из требований при присуждении степеней кандидата и доктора наук. Проблема в том, что научные юридические исследования в последнее время очень незначительно влияют на практику.

Формально все выглядит если не отлично, то по крайней мере удовлетворительно. При многих государственных органах действуют научно-консультативные советы (НКС), государство выделяет значительные средства на научно-исследовательские работы в виде грантов и пр. Но реального влияния все равно практически нет. В законодательном процессе аргументированная критическая позиция ученых учитывается очень редко, это является скорее исключением, чем правилом; создание НКС не гарантирует научного подхода в деятельности того или иного ведомства. Другой аспект проблемы — это минимальное количество заказов на научно-исследовательские работы со стороны частного бизнеса, демонстрирующее реальный показатель востребованности научных исследований в настоящее время.

В результате сложилась угрожающая ситуация, когда юридическая наука почти полностью потеряла связь с практикой. Научные исследования не стимулируются извне, их тематика формируется самой образовательной системой. Это приводит к застою научной мысли, отсутствию новых тем и методов исследований.

Открывая миру российское право?¹⁸

Еще одной проблемой отечественной высшей юридической школы является ее закрытость. Несмотря на почти тридцатилетний период расширения международного сотрудничества отечественных университетов, оно зачастую сводится к обмену делегациями, студентами, организации совместных конференций. В сфере юриспруденции практически нет реальных образовательных программ двойных дипломов и совместных научных проектов. Они являются скорее исключением, чем правилом.

Ключевым вызовом в данном контексте является язык исследования и обучения. В условиях глобализации профессиональные юристы общаются, к сожалению, не на русском языке, а на английском. Конечно, юриспруденция — не математика, для чтения работ по которой иностранцы специально изучали русский язык. В юриспруденции, скорее, сложилась обратная ситуация. Можно по-разному относиться к этой проблеме: притвориться, что исследования на русском языке популярны за рубежом, либо утверждать, что нам не нужна никакая открытость, ссылаясь на французский или немецкий опыт. Разница между российским и французским или немецким правом заключается в том, что если последние составляют ядро романо-германской системы, рецептированной по всему миру, то российское право таким ядром не является. Наша страна выступает скорее страной-реципиентом, и это реальность, которую нужно адекватно оценивать.

¹⁶ См.: Кропачев Н.М., Попондуполо В.Ф., Филиппова М.В. и др. Система высшего юридического образования в России: состояние и перспективы развития // Правоведение. 2004. № 5. С. 15.

¹⁷ См.: Скрипилов Е.А. О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII — начало XX в.) // Государство и право. 2000. № 9. С. 83.

¹⁸ По итогам презентации журнала *Russian Law Journal* в форме круглого стола «*Russian Law Journal: открывая миру российское право?*», состоявшейся 13 ноября 2013 г. в РИА Новости. Подробнее см.: www.pressria.ru/pressclub/20131113/948577545.html.

Российское право не доминирует в настоящее время на мировой арене, оно рецепируется очень редко и исключительно в странах СНГ. Поэтому ссылки на французскую и немецкую системы образования и науки несостоятельны.

Наивысший интерес к российскому праву пришелся на начало 1990-х гг., когда зарубежные исследователи хотели понять суть «самостоятельной» социалистической системы права, а бизнес стремился понять национальные правила игры. Сейчас этот интерес практически сошел на нет.

Важно правильно оценить объективно сложившуюся в настоящее время ситуацию и постараться найти собственные ниши на мировом рынке высшего юридического образования. Это один из ключевых вызовов. Если закрыть на него глаза, то российская высшая юридическая школа станет провинциальной, не представляющей никакого интереса для международной юридической общественности.

Такая позиция четко прослеживается в основополагающих нормативных документах последнего времени. Указ Президента РФ от 28.12.2013 № 967 «О мерах по укреплению кадрового потенциала Российской Федерации» очень напоминает распоряжения Петра I о направлении детей бояр на обучение в Англию и Голландию. Предусматривая финансовые дотации российским гражданам для обучения за границей, этот документ фактически признает несостоятельность отечественной системы образования. Причем это касается в первую очередь гуманитарного, и в частности юридического, образования, поскольку управленческие кадры традиционно готовятся в юридических вузах. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (далее — Указ № 599) и последовавшее за ним Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2012 № 2006-р «Об утверждении Плана мероприятий по развитию и повышению конкурентоспособности ведущих университетов России среди мировых научно-образовательных центров» (далее — Распоряжение № 2006-р) вообще ориентируют развитие российской высшей школы на западные стандарты, подразумевая в том числе дополнительное финансирование для подобной «перестройки».

Данная проблема в равной мере касается и науки. Российских ученых-правоведов, известных за рубежом, очень мало. Единицы публикуются в иностранной академической периодике, выступают с докладами. Следствие этого — нулевые индексы цитирования в международных рейтинговых агентствах. Это не говорит о низком качестве российских исследований, но свидетельствует об их закрытости. Отдельные отечественные разработки нередко выполнены на оригинальной методологической основе, их теоретический уровень не ниже исследований в ведущих зарубежных юридических центрах. Проблема не в качестве, а в изолированности. Практически все дореволюционные ученые, классики российской юриспруденции, свободно владели несколькими иностранными языками, публиковались не только в России, но и в Европе, там их работы читали, по ним учились студенты. Если бы тогда применялись индексы *Scopus* и *Web of Science*, то рейтинги наших соотечественников были бы не хуже многих европейских классиков. И самое главное: наши юристы не страдали отсутствием патриотизма и не переставали меньше любить родину оттого, что публиковались за рубежом. Наоборот, своими работами они способствовали ее прославлению.

Необходимо принимать во внимание, что конфигурация международной юридической академической периодики давно сформировалась. Система достаточно эффективно работает, и менять правила игры для новых игроков никто не собирается. Отечественная юридическая периодика в международных рейтингах цитирования не котируется вообще. В настоящий момент не существует ни одного российского журнала по юриспруденции, который признавали бы *Scopus* или *Web of Science*. Можно по-разному относиться к идее рейтингования, но она официально признана российским государством, поэтому именно в этом направлении должна двигаться российская высшая школа в соответствии с упомянутыми выше Указом № 599 и Распоряжением № 2006-р (п. 12).

Важно создание общенационального юридического журнала на английском языке, который мог бы давать представление о состоянии и развитии юриспруденции в России. Его задачей, по сути, является открытие миру российского права, его особенностей, преимуществ и недостатков. Подобные журналы существу-

ют во многих государствах: *German Law Journal*, *Hong Kong Law Journal*, *China Law Review* и пр. Такой журнал может быть эффективным только на межуниверситетской площадке, объединяющей интересы всех юридических вузов по продвижению российского права на международной арене. Подобный проект — *Russian Law Journal* — был запущен летом 2013 г. и объединил в редколлегии единомышленников из ведущих юридических центров России: МГУ, МГЮА, СПбГУ, НИУ ВШЭ и др.¹⁹

|| Другим аспектом рассматриваемой проблемы является преимущественно национальная тематика проводимых юридических исследований.

Юриспруденция, в отличие от многих других наук, имеет национальность, законодательство каждого государства в той или иной степени самобытно и не имеет аналогов. Тем не менее современные интеграционные процессы сближают различные правовые системы. Такие тенденции требуют и изменения подхода к научным правовым исследованиям. Необходимо не только изучать российское право, но и увеличивать долю наднациональных разработок, усиливать активность в международных исследовательских проектах. Научные исследования помимо регионального должны иметь универсальный характер, чтобы быть актуальными не только в России, но и на международном уровне.

Отечественное образование также имеет сугубо национальный характер. Практически все юридические вузы нашей страны обучают преимущественно российскому праву. В условиях глобализации это является скорее минусом, чем плюсом. В настоящее время во многих странах как романо-германского, так и англосаксонского права происходит обновление образовательных программ с усилением ненациональных предметов²⁰. Интересен пример отдельных скандинавских и азиатских вузов, в которых международная конкуренция обусловила значительное изменение

учебных программ в сторону международного и зарубежного права. Естественно, неправильно отказаться от национального права и изучать только зарубежную юриспруденцию. Важно найти золотую середину в отношении преподавания национальных дисциплин и международных или общепринятых предметов. Сейчас такого баланса нет, доля России на мировом рынке образовательных услуг не превышает 0,5%²¹. Только самая широкая подготовка позволит выпускнику российского юридического вуза эффективно самостоятельно изучать и применять законодательство зарубежных стран и меняющееся российское право.

|| В современный период международная конкуренция наиболее остро ощущается на уровне магистратуры.

Доля иностранных учащихся по юридическим магистерским программам в университетах Северной Америки, Европы и Японии нередко значительно больше, чем по основным образовательным программам, которые касаются не национального права, а общеправовых дисциплин. Более того, во многих неанглосаксонских странах (Швеции, Голландии, Италии, Испании, Японии, Китае) обучение проходит на английском языке.

|| Несмотря на очевидный геополитический фактор такого подхода, юридические магистерские программы на английском языке распространены по всему миру. Причина — международная конкуренция на рынке юридического образования.

Сейчас мы не то что проигрываем в этой борьбе — мы просто в ней не участвуем, даже с учетом того, что с каждым годом все больше российских студентов уезжают для обучения в магистратуре в зарубежные вузы. Игнорировать данную тенденцию было бы ошибкой, поэтому важно кардинально изменить подход к разработке и реализации магистерских программ. В настоящее время они чаще всего замкнуты в рамках одной кафедры. Такие программы неконкурентоспособны и не отвечают потребностям российского и зарубежного рынка. Нужны реальные межкафедральные, межкаультетские, межуниверситетские и международные магистерские программы.

¹⁹ См.: <http://russianlawjournal.org/editorial-board>.

²⁰ См., напр.: Ribstein L. *Practicing Theory: Legal Education for the Twenty-First Century* // *Iowa Law Review*. 2011. Vol. 96. P. 1664–1665, 1670–1672; Bernabe-Riefkohl A. *Tomorrow's Law Schools: Globalisation and Legal Education* // *San Diego Law Review*. 1995. Vol. 32. P. 137; Barret J. *International Legal Education in the United States: Being Educated for Domestic Practice While Living in a Global Society* // *American University Journal of International Law and Policy*. 1997. Vol. 12. P. 975.

²¹ См.: Кастуева-Жан Т. Указ. соч. С. 9.

Высшая школа и практика: кризис спроса и предложения?²²

Достаточно часто высшая школа подвергается критике со стороны практикующих профессионалов за излишне теоретизированную подготовку выпускников, их неготовность к работе. Косвенно это признается и в некоторых нормативных актах последнего времени. Например, Указ № 599 требует усиления практической составляющей юридического образования²³. В связи с этим возникает два вопроса: (1) действительно ли выпускник не готов к практической работе и (2) должен ли он быть к ней готов, в этом ли состоит задача высшей школы?

Практическая подготовка студентов в нашей стране складывается из трех компонентов: производственная практика, практикоориентированные предметы, обучение в юридических клиниках. Обама, настаивая на реформе американского юридического образования, предложил третий год обучения полностью посвятить практической подготовке: «*In the first two years, young people are learning in the classroom. The third year, they'd be better off clerking or practicing in a firm even if they weren't getting paid too much*»²⁴. Подобные идеи об усилении практической составляющей в подготовке будущих юристов высказываются в США не впервые²⁵. Удивительно, что такие предложения звучат в стране, система образования которой признается наиболее практикоориентированной в мире. И все равно считается, что выпускник недостаточно готов к практической работе. Самое удивительное, что у нас подобные предложения уже давно реализованы.

Наша преддипломная, а также производственная практика, начиная со второго курса, как раз воплощает идеи Обамы. Поэтому проблема заключается не в правовом регулировании, а в правильной реализации возможностей, которые имеются в настоящее время. Сейчас производственная и преддипломная практика превратилась в формальность: она редко дает навыки практической работы, если, конечно, не считать таковой делопроизводство или логистику. Студенты работают секретарями и курьерами и заняты юридической работой лишь в исключительных случаях. Задача в настоящий момент заключается не в добавлении дополнительных часов на практическую подготовку (их и так достаточно), а в отладке механизма ее реализации, в установлении более тесного взаимодействия вуза и места прохождения практики.

Количество практикоориентированных дисциплин у нас действительно ограничено. Основная нагрузка в этой части ложится на задачки и практикумы, но этого недостаточно. В последнее время в ряде ведущих вузов появились положительные изменения, касающиеся более тесного взаимодействия с практикующими юристами в различных формах. Чаще всего это чтение факультативов или создание в университете базовых кафедр²⁶, а некоторые вузы, наоборот, организуют базовые кафедры у практиков. Это очень позитивная тенденция, позволяющая приблизить вузовскую подготовку к жизненным реалиям.

Третья составляющая практической подготовки российского юриста — это юридические клиники (консультации). В современной педагогической отечественной системе они появились в середине 1990-х гг. и рассматривались тогда как «прогрессивная образовательная технология»²⁷. Исторически же первая в России юридическая клиника возникла при Казанском университете еще в еще 1840-е гг. по инициативе проф. Д.И. Мейера²⁸. Функционирование юридических клиник имеет подробно описанные преимущества

²² См.: Взаимодействие высшей школы и практики. Кризис «спроса и предложения»? : дискуссионная панель, 10 декабря 2013 г. // http://ilc.rian.ru/npc_news_2013/20131218/470585059.html.

²³ Ср.: постановления ЦИК и СНК СССР от 05.03.1935 «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования», ЦК КПСС от 05.10.1946 «О расширении и улучшении юридического образования в стране», ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» 1964 г.

²⁴ «В течение первых двух лет молодые люди учатся в аудитории. Но на третий год им лучше пойти работать секретарем или юристом в ту или иную компанию, даже если они не будут за это получать достаточно много». — Пер. ред. (Obama Says Law School Should be 2, Not 3, Years // New York Times. 2013. August 24. P. B3).

²⁵ См., напр.: Priest G. The Increasing Division Between Legal Practice and Legal Education // Buffalo Law Review. 1988. Vol. 37. P. 681–683.

²⁶ Например, в НИУ ВШЭ действуют базовые кафедры юридической фирмы White and Case и Федеральной антимонопольной службы.

²⁷ Доброхотова Е.Н. Модернизация высшего юридического образования в направлении усиления связи с практикой // Правоведение. 2003. № 4. С. 247.

²⁸ См.: Дудырев Ф.Ф., Малков В.П. Юридические клиники в России: возвращение через 150 лет // Государство и право. 2002. № 4. С. 62.

и недостатки, но в целом позитивно влияет на практическую подготовку студентов.

Таким образом, ключевой задачей является не изменение образовательных стандартов в сторону усиления практической составляющей и увеличение количества часов на нее, а правильная реализация тех механизмов, которые уже имеются, но не всегда работают.

Главный вопрос, возникающий в дискуссии между вузом и практиками о знаниях, умениях и навыках выпускника, заключается в следующем. Верна ли вообще постановка вопроса таким образом, что выпускник должен обладать навыками практической работы? В этом ли состоит предназначение высшего учебного заведения? Ведь, как отмечал В. Гумбольдт, образование должно быть общим, а не подстраиваться под специализацию.

Думается, что обучение практическим навыкам не является основной задачей университета. И это прекрасно понимают крупные и серьезные работодатели, которым не нужен «натасканный» на составление договоров или исковых заявлений выпускник с ограниченным только этой областью мировоззрением. Им требуется специалист с широким кругозором, фундаментальной подготовкой, способный принимать нестандартные решения, при необходимости эффективно заниматься самообразованием и повышать квалификацию. Формирование такого профессионала возможно только в рамках фундаментальной подготовки, в России традиционно осуществляемой классическими университетами. Изменение этого подхода, перекося в сторону практической составляющей может негативно отразиться на качестве университетской подготовки.

Существуют разные виды учебных заведений: колледжи, институты, академии, университеты и пр. Каждый из них имеет свое предназначение, занимает собственную образовательную нишу. Очевидно, что подготовкой практиков для конкретных видов юридической деятельности должны заниматься не классические университеты, а другие специализированные учебные заведения. В СССР существовали университеты и специализированные институты, и этот принцип четко соблюдался. Такой подход имеет место во многих государствах. Важно сохранить фундаментальное

образование в классических университетах, обеспечить правильное сочетание практической и теоретической подготовки и не допустить дисбаланса в пользу какой-либо из сторон, иначе университеты превратятся в колледжи, а юристы станут клерками.

Юридическое образование не сводится к узкоспециализированной подготовке. Юрист должен мыслить системно, уметь принимать правильное, взвешенное, обдуманное решение, не ограничиваясь только анализом правовой нормы. Компетенции, навыки, наконец, воспитание, заложенные в высшей юридической школе, часто находят применение в совершенно других профессиональных областях. Одна из них — это государственное управление, ярким примером чему являются высшие должностные лица многих современных государств. Разрушение фундаментального образования, стремление к усилению узкой практической составляющей могут иметь очень серьезные негативные последствия, в том числе для национальной безопасности, эффективного государственного управления.

Выводы

Кризис отечественной высшей юридической школы признается многими: практиками и преподавателями, государственными служащими, абитуриентами и их родителями. Разнятся мнения о причинах кризиса и путях его преодоления.

Известно, что у айсберга две части: видимая и подводная. У кризиса российской высшей школы также есть как видимые, общеизвестные, так и не столь явные, но не менее реальные проблемы, оценка которых доступна только при взгляде на систему изнутри. Необоснованно большое количество вузов, низкие зарплаты, некомпетентные преподаватели, низкокачественные диссертации — это проблемы, которые у всех на виду. Но они являются следствием, а не причиной.

В основе кризиса лежат кадровые провалы 1990-х гг., отсутствие в настоящее время конкурентной среды и недостаток реального спроса на научные исследования. Рецепт прост — стимулировать конкуренцию как в науке, так и в образовании. А самое главное, нужно снять розовые очки и прекратить заниматься необоснованным самовнушением, убеждать себя, абитуриентов, студентов и все общество, что конкурентов

и проблем у нас нет. Нужно здраво, адекватно оценивать сложившуюся ситуацию, искать возможные пути выхода из нее. Вместо подготовки бесчисленных концепций, дорожных карт, проведения круглосуточных совещаний, рабочих групп и прочей бессмыслицы лучше заняться реальным делом — повышением конкурентоспособности российской высшей юридической школы. И дело здесь не в новых стенах, зданиях и материально-технической базе, которая была обновлена во многих университетах в 2000-е гг. Это заслуга государства, обеспечившего должное финансирование

и предоставившее новые условия для рывка, выведения высшей школы из кризиса. Задача же вузовского менеджмента — правильно воспользоваться таким авансом, обеспечить этот рывок, превратить вузы в храм науки, не скрывать под лозунгами сохранения фундаментальности застойные явления и обеспечить развитие высшей школы в новых условиях международной конкуренции. Либо можно оставить все как есть... и тогда вновь придется ждать М.В. Ломоносова с предложением об учреждении первого в России современного университета.